

"НЕИЗБЕЖНЫЙ ПЕРЕВОРОТ"

Лев Толстой

1909

Царство Божие внутри вас и достигается усилием.

Самые глухие люди это те, которые не хотят слушать.
Французская поговорка

I

Знаю, что много, много людей, особенно из числа так называемых образованных, заглянув в это мое писание и поняв, о чем идет речь, только пожмут плечами, презрительно улыбнутся и не станут читать дальше. Все старое "непротивление", как это не надоест ему, скажут они.

Знаю, что это так будет, во первых, для людей, называемых учеными и знания которых не сходятся с тем, что я говорю, во вторых, для людей, находящихся в увлечении деятельности правительственной или революционной, которым это мое писание ставит дилемму: признать нелепостью или то, что они делали и делают годами и ради чего пожертвовали столь многим, или то, что я говорю. Будет это так и для многих людей так называемых образованных, которые в самых важных вопросах жизни привыкли, не думая своей головой, усваивать мнения, исповедуемые окружающим большинством, оправдывающие их положение. Но знаю, что все люди, самобытно думающие, а также и большинство рабочих людей, не испорченных еще тем нагромождением пустых и ложных, знаний, которое называется в наше время наукой, будут со мною. Знаю это потому, что в наше время, как для самобытно мыслящих людей, так и для огромного большинства трудящихся рабочих, становится с каждым днем все более и более очевидным и неразумие, и безнравственность причиняемых ими самим себе ненужных страданий. И те, и другие не могут уже в наше время не признать, наконец, ту простую и режущую теперь глаза истину о том, что для улучшения жизни нужно только одно: перестать делать то, что причиняет эти страдания.

Казалось бы, что те внешние условия, в которых находится человечество нашего времени, должны бы были довести его благосостояние до высшей степени. Земель, пригодных для обработки, доступно людям столько, что все люди могли бы с избытком пользоваться на них всеми благами жизни. Средства передачи мыслей и передвижения (печать, почта, телеграф, железные дороги, паровые и электрические двигатели, аэропланы и др.), т.е. средства того, что более всего содействует благу людей, средства единения, доведены до высокой степени совершенства. Средств борьбы с природой, облегчений труда придумано столько, что казалось, все люди могли бы пользоваться полным удовлетворением своих потребностей без напряжения труда, лишаящего досуга и разрушающего здоровье. Все есть для того, чтобы благо людей увеличивалось, а вместо этого

люди нашего времен страдают, мучаются и телесно и духовно, как никогда в прежние времена не страдали и не мучались, и страдания и мучения эти растут с каждым годом.

Скажут, страдания свойственны вообще жизни людей. Да, страдания свойственны, но не те страдания, которыми страдают теперь люди нашего мира. Свойственны жизни человеческой страдания внешние, всякого рода болезни, наводнения, пожары, землетрясения, засухи, свойственны также и страдания случайные, временные, от войн или жестокости некоторых правителей, но не те страдания, которыми не переставая страдают теперь все люди. Страдают теперь все люди: и те, которые властвуют или прямой силой или богатством, и те, которые с неперестающей ненавистью несут свою зависимость от властвующих и богатых, и страдают все уже не от внешних причин, не от землетрясений и наводнений, не от Неронов, Иоаннов Четвертых, Чингис-ханов и т.п., а страдают друг от друга, страдают от того, что все разделены на два враждебные, ненавидящие друг друга стана: страдают одни от зависти и ненависти к тем, кто над ними властвует, другие от страха и тоже презрительного недоброго чувства к тем, над кем они властвуют, страдают и те, и другие от сознания непрочности своего положения, от той неперестающей, временами вспыхивающей и проявляющейся величайшими жестокостями, но никогда не перестающей глухой борьбы, между двумя ненавидящими друг друга лагерями. Страдают особенно жестоко преимущественно от того, что и те, и другие в глубине души знают, что причина их страданий в них самих, что им можно бы было избавиться от этих наносимых самим себе страданий, но и тем и другим кажется, что они не могут этого сделать, что виноваты не они, а враги их, и тем с большим озлоблением нападают друг на друга, и тем все больше и больше ухудшают свое положение.

Так что причина бедственности положения, в котором находится теперь человечество, причина совершенно особенная, исключительная, свойственная только нашему времени.

II

С тех пор, как мы знаем совокупную жизнь людей, мы знаем, что всегда люди соединялись между собой, кроме связей семейных, родовых, обменных, торговых, еще подчинением многих одному или нескольким властителям. Такое подчинение одних другим, большинства меньшинству, было так обще всем народам, так давно существовало, что все люди, как те, которые властвовали над многими, так и те, которые подчинялись им, считали такое устройство жизни неизбежным, естественным и единственно возможным для совокупной жизни людей.

...Таково было это основанное на насилии устройство жизни. И человечество жило так веками. Так было это в Индии, и в Китае; так было это и в Греции, и Риме, и в средневековой Европе; так это, как это ни противно сознанию человечества нашего времени, продолжается для большинства людей и теперь.

..Христианство указало людям не только то, что любовь есть средство общения людей, дающее им благо, но и то, что любовь есть высший закон жизни людей, и

что поэтому закон любви несовместим с прежним, основанным на насилии, устройством жизни.

Главное значение христианства и особенность его от всех прежних учений, проповедывавших любовь, было в том, что оно, провозглашая закон любви высшим законом жизни, таким, который, не допуская исключений, всегда должен исполняться, указало на те обычные отступления от закона любви, которые, вместе с признанием благодетельности любви, допускались при прежнем устройстве жизни, основанном на власти властвующих, поддерживаемой насилием. При прежнем устройстве жизни насилие, включающее в себя убийства, при защите себя, ближних или отечества, при наложении наказаний на преступников и т.п., было необходимым условием общественной жизни. Христианство же, ставящее высшим законом жизни любовь, признающее всех людей равными, проповедующее прощение всякой обиды, оскорбления, насилия, и воздаяние добром за зло, не могло допускать ни в каком случае насилия человека над человеком, всегда в последнем своем проявлении требующего даже убийства. Так что христианство в своем истинном значении, признавая основным законом жизни любовь, прямо и определенно отрицало то самое насилие, которое стояло в основе всего прежнего устройства жизни.

Таково было и есть главное значение христианства. Но люди, принявшие христианство, веками жившие в сложном государственном устройстве, основанном на насилии, приняв христианство, отчасти не понимая всего его значения, отчасти понимая, но стараясь скрыть его от себя и других людей, взяли из христианства только то, что не было противно установившемуся складу их жизни.

...Люди жили, подчиняясь насилиям и совершая их, и вместе с тем исповедывали учение любви, явно противоречащее насилию. Внутреннее противоречие это всегда жило в христианском мире и соответственно умственному развитию людей становилось все более и более явным....

III

Из того, что возможно насилием подчинять людей, справедливости, вовсе не следует, чтобы было справедливо подчинять людей насилием.

Паскаль

Насилие, производя только подобие справедливости, более всего удаляет людей от возможности жить справедливо без насилия.

В сознании людей входило все большее и большее признание закона любви, долженствовавшего заменить насилие, а между тем жизнь продолжала идти на прежних основаниях.

Так это продолжалось веками. Но пришло время, когда истина о том, что любовь есть высший закон жизни человеческой, и что поэтому насилие, несовместимое с любовью, не может быть высшим законом жизни, истина, столь свойственная

духовной природе человека и выраженная более или менее ясно во всех религиозных учениях и с особенной ясностью в христианстве, несмотря на все усилия властителей и их помощников, все более и более входила в сознание людей и в наше время более или менее сознательно уже стала достоянием большинства людей. Как нельзя затушить огонь, завалив его стружками, так же невозможно было заглушить раз возникшую в сознании людей и с такой ясностью выраженную во всех религиозных учениях и столь близкую сердцу человеческому истину о том, что свойственное природе людей единение есть единение, основанное на любви, а не насилии, страхе. И истина эта, хотя и не в прямом своем выражении, но в различных вытекающих из этой истины положениях и требованиях, все чаще и чаще проявлялась во всем мире, отыскивая свое приложение к жизни. Так, среди христианского мира истина эта, прежде, чем в других странах, проявилась в требованиях равенства граждан, людей (хотя только одного государства), в уничтожении рабства, в признании прав женщины, в учениях социализма, коммунизма, анархизма; проявлялась и проявляется эта истина и в самых разнообразных союзах, конгрессах мира, проявляется и во многих так называемых сектах, как христианских, так и магометанских, прямо отрицающих закон насилия и освобождающих себя от подчинения ему.

В христианском мире и близком ему магометанском истина эта более явно входила в сознание людей, но и на дальнем востоке истина эта, не переставая, делала свое дело. Так что даже в Индии и Китае, где насилие утверждено религиозным законом, насилие и касты в Индии в наше время представляются людям уже чем-то несвойственным человеческой природе.

Все люди мира, хотя еще и не признавая закона любви во всем его значении, уже чувствуют всю невозможность продолжения жизни по прежнему закону насилия и ищут другой, соответствующей духовному росту человечества, основы взаимного общения...

Основа же эта есть только одна и тысячи лет тому назад уже высказана лучшими людьми мира.

IV

Прежняя основа единения людей, насилие, в наше время не внушает людям, как прежде, слепого доверия, но представляется, напротив, чем-то уже противным их сознанию.

Люди теперь в большинстве своем более или менее живо чувствуют уже необходимость устройства жизни на других основаниях, чем насилие. Но старые обычаи, предания, воспитание, привычки, главное самое устройство жизни таково, что люди, желая делать дела, вытекающие из закона любви, приводят их в исполнение посредством насилия, т.е. посредством того, что прямо противоположно тому закону любви, во имя которого они действуют, делают то, что делают.

Так в наше время революционеры, коммунисты, анархисты, во имя любви, блага народа совершают свои разрушения, убийства. Во имя же любви, опять для блага

народа устраивают правительства свои тюрьмы, крепости, каторги, казни. Во имя любви, высшего блага уже не одного, а всех народов, устраивают дипломаты свои союзы, конгрессы, опирающиеся на все увеличиваемые и все больше и больше вооружаемые войска. Во имя любви же устраивают богачи, собравшие богатство и удерживающие его только благодаря законам, утверждаемым насилием, свои всякого рода благотворительные учреждения, неприкосновенность которых удерживается опять-таки насилием.

Так это делается везде. Большое незамечаемое людьми зло насилия совершается во имя умышленно выставляемого на вид подобия добра. И, как и не может быть иначе, это не только не улучшает положения, но, напротив, только ухудшает его. И потому положение людей нашего времени, становясь все хуже и хуже, стало несравненно хуже положения людей в древности. Оно стало хуже оттого, что в наше время средства насилия увеличились в сотни раз, а увеличение средств насилия увеличило и происходящее от насилия зло...

V

Продолжение жизни людей нашего времени, как властвующих, так и тех, над кем властвуют властвующие, в том положении, в котором они находятся теперь, становится все более и более невозможным. И это живо чувствуется и теми, и другими. Возможна была жизнь человечества с его разделением на десятки враждебных государств, с своими императорами, королями, войсками, дипломатами, с своим отбиранием от народа произведений его труда на вооружения и содержание войск, тогда, когда народы еще наивно думали каждый про себя, что он один настоящий народ, а что все другие народы враги, варвары, и что не только похвально отдавать свои труды и жизнь на защиту своего народа и его правителей, но что это даже не может быть иначе, что это так же естественно, как кормиться, жениться, дышать. Возможна была такая жизнь людей, когда люди верили, что бедность и богатство суть условия жизни, predeterminedенные Богом, когда властвующие и богатые не только не сомневались в законности своего положения, но в душе своей — перед Богом гордились им, считая себя избранной, особой породой людей, людей же народа, "подлых", занимающихся ручной работой или даже торговлей, считали низшей породой людей, подвластные же и бедные верили, что властвующие и богатые особая порода людей, предназначенная на властвование самим Богом, так же как Богом же predeterminedена их жизнь, подвластных и бедных.

...Так продолжалось веками, но пришло время, когда все то, что делало такую жизнь возможной, стало понемногу разрушаться, и наконец люди всего мира, и в особенности христианского, пришли к сознанию, более или менее ясному, того, что не они одни, немцы, французы, японцы, русские, живут на свете и не они одни хотят отстоять выгоды своего народа, но что все народы в том же положении, и что поэтому всякая война не только губительна для народных масс, не получающих от войны никаких выгод, а только лишения, но и совершенно бессмысленна; кроме того, пришли люди нашего времени и к тому более или менее ясному сознанию, что все подати, собираемые с них, не служат к их благу, а растрачиваются большей частью во вред им на войны и на роскошь властвующих, что богатство не есть нечто predeterminedенное свыше, как это представлялось им

прежде, но есть плод целого ряда обманов, вымогательств, насилий над трудящимся народом. Знают все это в наше время в глубине души и властвующие и богатые, но не имеют сил отказаться от своих положений и или грубым насилием, или обманами, или уступками стараются удержать свое положение. И потому теперь, когда все люди, все кроме того, что разделены между собою на различные народности, подавленные и желающие освободиться или желающие удержать подавленных, разделены еще везде на два озлобленно враждебные друг к другу стана: одних рабочих, обделенных, униженных и сознающих несправедливость своего положения, и других властвующих и богатых, тоже сознающих несправедливость своего положения, но во что бы то ни стало все-таки отстаивающих его, и тех и других готовых для достижения своей цели совершать и совершающих друг против друга величайшие злодеяния: обманы, кражи, шпионства, убийства, взрывы, казни — положение людей таково, что оно очевидно не может уже продолжаться.

Правда, есть еще такие люди, которые хотят уверить себя и рабочих, что вот еще одно убедительное разъяснение существующей несправедливости, еще одна, самая прекрасная теория будущего устройства жизни, еще одно небольшое усилие борьбы с врагами — и установится наконец тот новый порядок, при котором не будет уже зла и все люди будут благоденствовать. Есть такие же люди и среди властвующих. Люди эти стараются уверить себя и других, что человечество не может жить иначе, как так, как оно жило веками, тысячелетиями, что изменять ничего не нужно, что стоит только, как ни неприятно это, неукоснительно подавлять силой все попытки изменения существующего строя и, не отказывая в "разумных" требованиях народа, твердо вести его по пути умеренного прогресса, и всем будет хорошо.

Есть такие верующие и в том и в другом лагере, но люди уже не верят им, а два враждебные лагеря все резче и резче разделяются: становится все больше и больше зависть, ненависть, злоба рабочих к властвующим и богатым, и все больше и больше страх и ненависть властвующих и богатых к рабочим и обделенным, и все больше и больше заражают обе стороны друг друга взаимной ненавистью.

VI

Положение людей нашего времени ужасно. Причина же этого ужасного положения та, что мы, люди нашего времени, живем не по тому миросозерцанию, которое свойственно нашему сознанию, а по тому миросозерцанию, которое за тысячи лет до нашей эры было свойственно нашим предкам, но теперь уже не может удовлетворять нашим духовным требованиям. Причина в том, что мы, более или менее ясно сознающие уже теперь ту основу любви, которая, заменив насилие, может и должна соединить людей, все еще живем тем насилием, которое в прежние времена соединяло людей, но теперь уже несвойственно нам, противно нашему сознанию, и потому не только не соединяет, но теперь только разъединяет людей...

VII

Три. два века тому назад люди, призываемые в войско по повелению главы государства, ни на минуту не сомневались в том, что как ни трудно то, чего от них требуют, они, идя на войну, делают не только хорошее, но неизбежно необходимое дело, жертвуя своей свободой, трудом, даже жизнью для святого дела: защиты отечества против врагов его, главное же — исполняя волю Богом поставленного владыки. Теперь же всякий человек, которого гонят на войну (особенно содействовала уничтожению патриотического обмана общая воинская повинность), всякий знает, что те, против кого его гонят, такие же люди, как и он, так же обмануты своими правительствами, а зная это, не может уже не видеть в особенности в христианском мире всего безумия и безнравственности того дела, к которому его принуждают. А понимая безумие и безнравственность дела, к которому его призывают, не может не презирать и не ненавидеть тех людей, которые принуждают его.

Точно так же в старину люди, отдавая свои подати, т.е. свои труды правительствам, были уверены, что отданное правительству необходимо для важных и нужных дел; кроме того считали тех людей, которые распоряжались этими произведениями их труда, чуть не святыми, безгрешными людьми. Теперь же почти всякий рабочий считает правительство если не шайкой разбойников, то во всяком случае людьми, озабоченными своими интересами, а никак не интересами народа, и необходимость отдавать свои труды в их распоряжение только временным бедствием, от которого он желает всеми силами души и надеется тем или иным способом скоро освободиться.

200, даже 100 лет тому назад люди смотрели на богатство как на достоинство и на собирание богатства как на добродетель и уважали богатых и старались подражать им, теперь люди, в особенности бедные, презирают и ненавидят богатых только за то, что они богаты, всякие же попытки богатых тем или иным путем поделиться с бедными вызывают в этих самих бедных только еще большую ненависть к богатым.

В прежние времена властители и богатые верили в свое положение и знали, что рабочий народ верит в его законность, и народ действительно верил в predeterminedность положения и своего и своих властителей. Теперь же и те, и другие знают, что нет никакого оправдания ни властвованию правителей, ни богатству богатых, ни давлению рабочих, и что для того, чтобы властителям и богатым удержать свое положение, а рабочим освободиться от своей давленности, надо и тем и другим не брезгать употреблением для этого всевозможных средств: обманов, подкупов, убийств. И те и другие делают это и, что хуже всего, делая это, в глубине души большей частью знают, что ничего не достигнуто этим, и что продолжение такой жизни становится все более и более невозможным, и ищут и не находят выхода из этого положения. А выход неизбежный и один тот же для всех все яснее и яснее представляется людям. Выход один: освобождение себя от той когда-то свойственной человечеству веры в необходимость и законность насилия и усвоение отвечающей теперешнему возрасту человечества, одинаково проповеданной во всех религиях мира, веры в необходимость и законность любви, исключаящей какое бы то ни было насилие человека над человеком.

Перед этим-то решительным шагом, который предстоит в наше время всему человечеству, и стоят теперь в нерешительности люди нашего мира и времени.

Но хотят ли или не хотят этого люди, они не могут не совершить шаг этот. Не могут не совершить его, потому что то религиозное верование, которое обосновывало власть одних людей над другими, отжило свое время, новое же, соответственное времени верование в высший закон любви все более и более входит в сознание людей.

VIII

Казалось бы, что бедствия, вытекающие из насилий, производимых людьми друг над другом, должны бы вызывать в них мысль о том, что они сами виноваты в этих бедствиях. А если люди сами виноваты, а я • человек, стало быть и я виноват, казалось бы должен сказать себе каждый, а потому и спросить себя, в чем моя вина в претерпеваемых мною и всеми людьми бедствиях?

Так, казалось, должно бы быть, но суеверие о том, что одни люди не только имеют право, но и призваны и могут устраивать жизнь других людей, вследствие долгой жизни, основанной на насилии, до такой степени укоренилось в привычках людей, что мысль о своем участии в дурном устройстве жизни людей никому не приходит в голову. Все обвиняют друг друга. Одни обвиняют тех, которые, по их мнению, обязаны устраивать их жизнь и устраивают ее не так, как они считают это нужным. Другие же, устраивающие чужую жизнь, недовольны теми, жизнь которых они устраивают. И как те, так и другие думают о самых сложных и трудных вопросах, но не задают себе только одного, самого, казалось бы, естественного вопроса: что мне делать для того, чтобы изменилось то устройство жизни, которое я считаю дурным и в котором так или иначе не могу не участвовать.

"Любовь должна заменить насилие. Допустим, что это так, скажут люди, но как, каким путем должен и может произойти этот переворот? Что делать для того, чтобы переворот этот мог совершиться, чтобы жизнь насильническая заменилась жизнью мирной, любовной?"

Что делать? — спрашивают одинаково и властители, и подвластные, и революционеры, и общественные деятели, подразумевая под вопросом: что делать? всегда вопрос о том, как должна быть устроена жизнь людей.

Все спрашивают, как должна быть устроена жизнь людей, т.е. что делать с другими людьми? Все спрашивают, что делать с другими, но никто не спрашивает, что мне делать с самим собою?

Суеверие неподвижности религии, породившее признание законности властвования одних людей над другими, породило еще и это другое, вытекающее из первого, суеверие, больше всего препятствующее людям перейти от жизни насильнической к жизни мирной, любовной, суеверие о том, что одни люди должны и могут устраивать жизнь других людей.

...Стоит освободиться людям от этого обычного суеверия, и тотчас же стало бы ясно всем, что устраивается жизнь всякого соединения людей только так, как каждый сам для себя устраивает свою жизнь. А поняли бы это люди, как те, которые устраивают жизнь других, так и те, которые подчиняются этому устройению, так очевидно бы стало всем, что всякое насилие человека над человеком ничем не может быть оправдываемо и есть не только нарушение любви или даже справедливости, но и здравого смысла.

Так что избавление людей от тех бедствий, которые они переживают в наше время, прежде всего в освобождении себя от суеверия о неподвижности религии, а потому и от ложного, уже пережитого людьми нашего времени религиозного учения о божественности власти и вытекающего из него признания законности и полезности насилия.

Ответ на вопрос о том, что надо делать человеку, осуждающему существующее устройство жизни и желающему изменить и улучшить его, ответ простой, естественный и один для каждого не одержимого суеверием насилия человека, такой:

Первое: перестать самому делать прямое насилие, а также и. готовиться к нему. Это — первое. Второе: не принимать участия в каком бы то ни было насилии, делаемом другими людьми, и также в приготовлениях к насилию. Третье: не одобрять никакое насилие.

1) Не делать самому прямого насилия — значит не хватать никого своими руками, не бить, не убивать, не делать этого для своих личных целей, а также и под предлогом общественной деятельности.

2) Не принимать участия в каком бы то ни было насилии — значит не только не быть полицмейстером, губернатором, судьей, стражником, сборщиком податей, царем, министром, солдатом, но и не участвовать в судах просителем, защитником, сторожем, присяжным.

3) Не одобрять никакое насилие — значит, кроме того, чтобы не пользоваться для своей выгоды никаким насилием, ни в речах, ни в писаниях, ни в поступках не выражать ни похвалы, ни согласия ни с самым насилием, ни с делами, поддерживающими насилие или основанными на насилии.

Очень может быть, что если человек будет поступать так, откажется от солдатства, от судов, от паспортов, от уплаты податей, от признания властей и будет обличать насильников и их сторонников, подвергнется гонениям. Весьма вероятно, что такого человека по нынешним временам будут мучать: отнимут у него имущество, сошлют, запрут в тюрьму, может быть и убьют. Но может быть и то, что человек и не делающий ничего этого и напротив исполняющий требования властей, пострадает от других причин точно так же, а может быть и еще больше, чем тот, который откажется от повиновения. Так же, как может быть и то, что отказ человека от участия в насилии, основанный на требованиях любви, откроет глаза другим людям и привлечет многих к таким же отказам, так что власти не будут уже в состоянии применить насилие ко всем отказавшимся.

Все это может быть, но может и не быть. И потому ответ на вопрос о том, что делать человеку, признающему истинность и приложимость к жизни закона любви, не может быть основан на предполагаемых последствиях.

Последствия наших поступков не в нашей власти. В нашей власти только самые поступки наши. Поступки же, какие свойственно делать и, главное, какие свойственно не делать человеку, основываются всегда только на вере человека. Верит человек в необходимость насилия, религиозно верит, и такой человек будет совершать насилие не во имя благих последствий, которых он ожидает от насилия, а только потому что верит. Если же верит человек в закон любви, то он точно так же будет исполнять требования любви и воздерживаться от поступков, противных закону любви, независимо от каких бы то ни было соображений о последствиях, а только потому что верит, и от того не может поступить иначе.

И потому для осуществления в жизни закона любви и замены им закона насилия, нужно только одно: то, чтобы люди верили в закон любви так же, как они верят теперь в необходимость насилия. Поверь только люди в закон любви хоть приблизительно так же, как они верят теперь в необходимость насилия, и вопрос о том, как поступать людям, отказавшимся от насилия, с людьми, совершающими насилие, перестанет быть вопросом, и жизнь людей без всяких усилий и потрясений сложится в неизвестную нам форму жизни, к которой идет человечество и которая избавит его от тех зол, от которых оно страдает теперь.

Возможно ли это?

XI

Разрешение не одного вопроса общественного устройства, а всех, всех вопросов, волнующих человечество — в одном, в перенесении вопроса из области кажущейся широкой и значительной, но в сущности самой узкой, ничтожной и всегда сомнительной: из области внешней деятельности (имеющей, будто бы, в виду благо всего человечества, деятельности научной, общественной), в область, кажущуюся узкой, но в сущности самую широкую и глубокую и главное, несомненную: в область своей личной, не телесной, но духовной жизни, в область религиозную.

Только сделай это для себя каждый человек, спроси себя, настоящего себя, свою душу. что тебе перед Богом или перед своей совестью (если не хочешь признавать Бога) нужно, и тотчас же получатся самые простые, ясные, несомненные ответы на самые казавшиеся сложными и неразрешимыми вопросы, уничтожатся большей частью и самые вопросы, и все, что было сложно, запутанно, неразрешимо, мучительно, — все тотчас же станет просто, ясно, радостно и несомненно.

Кто бы ты ни был: император, король, палач, миллиардер, тюремщик, нищий, министр, вор, писатель, монах, остановись на минуту в своей деятельности и загляни в свою святую святых, в свое сердце и спроси себя, что тебе, настоящему тебе, нужно для того, чтобы прожить наилучшим образом те часы или десятилетия, которые еще могут предстоять тебе. И кто бы ты ни был, если ты только искренно и серьезно спросишь себя об этом, ты не можешь не ответить

себе то же, что отвечали и отвечают себе все люди, серьезно и искренне ставившие и ставящие себе вопрос этот: нужно тебе одно, наверное одно, то самое, что всегда было и теперь нужно для всех: благо, истинное благо, не такое благо, которое нынче может быть благом, а завтра может стать злом, и не такое, какое было бы благом для одного тебя, а злом для других, а одно истинное, несомненное благо, такое благо, которое благо и для тебя, и для всех людей, и сегодня, и завтра, и во всяком месте. А такое истинное благо дается только тому, кто исполняет закон своей жизни. Закон же этот ты. знаешь и по разуму, и по учениям всех мудрецов мира, и по влечению своего сердца. Закон этот — любовь, любовь к высшему совершенству, к Богу и ко всему живому и в особенности к подобным себе существам — людям.

Только пойми это каждый из нас, и он тотчас же поймет и то, что причина страданий и его и всего мира не в каких-либо злых людях, виновных в том зле, которое совершается, а только в одном: в том, что живут люди в условиях жизни, сложившихся на насилии, условиях, противных любви, несовместимых с нею, и что потому причина того зла, от которого мы все страдаем, не в людях, а в том ложном устройстве жизни на насилии, которое люди считают необходимым.

А пойми это каждый человек — и он поймет, что ворующий вор и богач, скопляющий и удерживающий богатства, и властитель, подписывающий смертный приговор, и палач, приводящий его в исполнение, и революционер, бросающий бомбу, и дипломат, приготавливающий войну, и проститутка, отдающая на поругание свою душу и тело, и солдат, стреляющий в того, в кого ему велят, все одинаково не виноваты, а делают то, что делают, только потому, что живут по ложной вере в необходимость насилия, без которого они не могут себе представить жизни.

А поймет это человек, и он ясно увидит всю несправедливость, жестокость, неразумность осуждения людей, приведенных своей отжившей верой в насилие и вытекающими из нее сложными условиями жизни к своим, противным любви, поступкам, поймет то, что люди делают дурное не потому, что они виноваты, а потому, что существует то суеверие насилия, которое может быть уничтожено никак не насилием же, а только освобождением себя каждым человеком от этого губительного суеверия...

ХII

В наше время продолжение жизни на основах, отжитых и резко противоположных сознаваемой уже всеми истине стало невозможно, и потому, хотим ли мы или не хотим этого, мы должны в устройстве своей жизни поставить закон любви на место насилия. Но как же сложится жизнь людей на основании любви, исключаящей насилие? На вопрос этот никто не может ответить, да кроме того, ответ этот никому и не нужен. Закон любви не есть закон общественного устройства того или другого народа или государства, которому можно содействовать, когда предвидишь или .скорее, воображаешь, что предвидишь те условия, при которых совершится желательное изменение. Закон любви, будучи законом жизни каждого отдельного человека, есть вместе с тем и закон жизни всего человечества, и потому безумно было бы воображать, что можно знать и

желать знать конечную цель как своей жизни, так тем более жизни всего человечества.

То, что мы не знаем и не можем даже себе представить того, какая будет жизнь людей, верящих в закон любви, так же, как верят теперь люди в необходимость насилия, показывает только то, что, следуя закону любви, мы истинно живем, делая то, что должно каждый для себя и то, что должно для жизни всего человечества. То, что, следуя закону любви, мы делаем то, что должно для себя, мы знаем потому, что, только следуя этому закону, мы получаем наибольшее благо. То же, что, следуя этому закону, мы делаем и то, что должно и для всего человечества, мы знаем потому, что благо человечества в единении, а ничто не может по самому свойству своему так тесно и радостно соединять людей, как тот самый закон любви, который дает и высшее благо каждому отдельному человеку.

Вот все, что я хотел сказать.

Всей душой веря в то, что мы живем накануне всемирного великого переворота в жизни людей, и что всякое усилие для скорейшего разрушения того, что не может не быть разрушено, и скорейшего осуществления того, что не может не быть осуществлено, всякое усилие, хотя бы и самое слабое, содействует наступлению этого переворота, я не мог, доживая по всем вероятностям последние дни моей жизни, не попытаться передать другим людям эту мою веру.

Да, мы стоим на пороге совсем новой радостной жизни, и вступление в эту жизнь зависит только от нашего освобождения себя от все более и более мучающего нас суеверия необходимости насилия для совокупной жизни людей и признания того вечного начала любви, которое уже давно живет в сознании людей и неизбежно должно заменить отжитое и уже давно ненужное и только губительное для людей начало насилия.

OCR: К. Дрязгунов

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

